

УДК 1:94(44)
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-483-493>
EDN: WNCHKW

Поступила: 29.05.2024
Принята: 01.12.2024
Опубликована: 27.12.2024

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОДХОДОВ К ИСТОРИИ В ФИЛОСОФИИ П. РИКЁРА: ТЕКСТУАЛЬНЫЙ, НАРРАТИВНЫЙ, ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ И ПУБЛИЧНЫЙ

Сидорова Мария Алексеевна

Московская высшая школа социальных и экономических наук (Москва)

В философии истории доминирует нарративистская парадигма, однако она нуждается в дополнениях и корректировке. Эту парадигму изменяет Поль Рикёр, выделяя не только нарративный, но также текстуальный, эпистемологический и публичный подходы к истории. С помощью метода философской реконструкции и герменевтической интерпретации в статье проанализирована взаимосвязь указанных подходов. Выявлено включение текстуального подхода в нарративное представление Рикёра об истории. Определены нарративно-текстуальные основания эпистемологического (историографического) подхода Рикёра к истории. В частности, установлено тождество между методом исторической интерпретации и диалектикой объяснения и понимания текста. Рассмотрен публичный подход к истории в виде концепции об отражении живой памяти в нарративах участников событий. В статье доказано, что в философии Рикёра нарративное определение истории усложняется текстуальным определением и является основой эпистемологического и публичного подходов к истории. Результаты исследования могут использоваться для изучения и критики как философии Рикёра, так и нарративной теории истории в целом. Помимо этого, установленная взаимосвязь подходов может стать методологической базой для философского анализа истории, а также применяться и дополняться представителями исторических и философских наук.

Ключевые слова: философия истории, история, нарратив, текст, историография, память.

Для цитирования:

Сидорова М.А. Взаимосвязь подходов к истории в философии П. Рикёра: текстуальный, нарративный, эпистемологический и публичный // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 4. С. 483–493.
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-483-493>. EDN: WNCHKW

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-483-493>

Received: 29.05.2024
Accepted: 01.12.2024
Published: 27.12.2024

THE INTERCONNECTION OF FOUR APPROACHES TO HISTORY IN PAUL RICOEUR'S PHILOSOPHY: TEXTUAL, NARRATIVE, EPISTEMOLOGICAL AND PUBLIC

Maria A. Sidorova

The Moscow School of Social and Economic Sciences (Moscow)

The narrative paradigm dominates the philosophy of history but it needs to be supplemented and adjusted. Paul Ricoeur changes this paradigm. He writes about not only the narrative but also the textual, epistemological, and public approaches to history. Using the method of philosophical reconstruction and herme-

neutic interpretation, the author of the paper analyzes the interconnection between these approaches. The study reveals the inclusion of the textual approach in Ricoeur's narrative representation of history. The article defines the narrative and textual foundations of Ricoeur's epistemological (historiographic) approach to history. In particular, the paper has established the identity between the method of historical interpretation and the dialectic of explanation and understanding of the text. The study discusses the public approach to history as a concept of the reflection of living memory in narratives. The article proves that in Ricoeur's philosophy the narrative definition of history is complicated by textual definition and is the basis of epistemological and public approaches to history. The results of the research can be used to study and criticize both Ricoeur's philosophy and narrative theory of history. In addition, the established interconnection of approaches can provide a methodological basis for philosophical analysis of history. It can be applied and supplemented by the representatives of historical and philosophical sciences.

Keywords: philosophy of history, history, narrative, text, historiography, memory.

To cite:

Sidorova M.A. [The interconnection of four approaches to history in Paul Ricoeur's philosophy: textual, narrative, epistemological and public]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 4, pp. 483–493 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-483-493>, EDN: WNCHKW

Введение

Со второй половины двадцатого столетия в философии истории преобладает нарративистский подход. Его предпосылкой стал известный *лингвистический поворот*, позволивший ученым отойти от классических онтологических проблем указанной дисциплины, а именно — от вопросов о сущности и этапах исторического процесса, о развитии общества, социальном прогрессе. Стала актуальной проблема об эпистемологической составляющей философии истории. Нарративисты дополнили историческое исследование чтением, письмом, интерпретацией и поставили вопрос о текстуализации реальности. Он превратился в одну из важнейших тем постструктуралистических теорий. Так, например, в работах М. Фуко [Фуко М., 1996] и Р. Барта [Барт Р., 2003] историческое прошлое получило определение нарративного конструкта. В итоге в постмодернистской философии укоренилось отождествление исторического повествования с поэтическим дискурсом. Во многом этому способствовала теория Х. Уайта. В ней историку приписана одна из ролей автора художественного текста, а именно — роль создателя сюжета исторического нарратива [Уайт Х., 2002, с. 27]. Взгляды Уайта обнажили проблему сведения истории к рассказу и послужили источником для дискуссий.

В этих дискуссиях принял участие и Поль Рикёр — представитель французской филосо-

фии субъекта, автор феноменологической герменевтики. Он получил мировую известность во многом благодаря разработанной им теории нарратива в 80-е гг. XX в. Вопросы об истории стали важной составляющей ее проблемного поля и всей философии французского мыслителя. Рикёр неоднократно обращался к понятию истории (*l'histoire*) как в ранних произведениях (сборник работ «История и истина»), так и в поздней философии истории (книга «Память, история, забвение»). Исследователи его трудов сходятся во мнении, что в них история предстает в качестве разновидности нарратива. Среди иностранных ученых об этом пишут, например, Д. Каплан [Kaplan D.M., 2003, p. 54] и Д. Вуд [Wood D., 1991, p. 16]. Отечественные исследователи мысли Рикёра с ними солидарны. Так, о его нарративной концепции истории заявляют И.С. Вдовина, С.Н. Зенкин, Е.Н. Шульга, А.В. Ямпольская [Вдовина И.С., 2019; Зенкин С.Н., 2013; Шульга Е.Н., 2015; Ямпольская А.В., 2015].

Действительно, нарративная парадигма является определяющей в философии истории Рикёра, но не единственной. Помимо нее в его работах можно обнаружить текстуальный, эпистемологический и публичные подходы к истории. В статье будет показано, что указанные подходы переплетаются в произведениях Рикёра, а их взаимосвязь является смысловым фундаментом, на котором философ выстраивает целостную концепцию истории как ответ нар-

ративистам: он предлагает рассматривать историю в значении отдельного вида нарратива, отличного от поэтического, художественного рассказа. В первой части нашего исследования будет проанализировано становление его герменевтики исторического текста и нарративной концепции истории, а также установлена их взаимосвязь. Во второй части работы будут рассмотрены эпистемологический и публичный подходы к истории в виде парадигм, выстроенных на основе представлений Рикёра об историческом нарративе — повествовании и в письменной, и в устной форме. В заключении будут сделаны выводы и предложены варианты применения результатов исследования.

Текстуальный и нарративный подходы к истории

В творчестве Рикёра представление об истории как о тексте предшествует ее нарративному определению. Французский философ разработал текстуальный подход к истории в 70-е гг. XX в. в период увлечения герменевтикой социального действия¹. Последнее он определил в значении публично осмысленного поступка. Рикёру нужно было доказать саму возможность описания действия как явления, осмысленного не только его автором, но и *другими* — любыми участниками совместного бытия, социальной сферы жизни. Для этого он сопоставил социальное действие с текстом и выделил четыре сходства между ними в статье «Модель текста: осмысленное действие как текст» (1971).

Первое сходство следует из принципа *объективации*: социальное действие, как и текст, объективировано [Рикёр П., 2008, с. 29]. Если объективация текста состоит в фиксировании смысла дискурса с помощью записи, то объективация действия — в *запечатлении* его смысла на ткани общественного пространства. Рикёр рассматривает эту социальную *запечатленность* как *запись*, *документирование* и задается вопросом: «Разве история не представляет собой документ человеческого действия?» [Рикёр П., 2008, с. 33]. Философ подразумевает утвердительный ответ. В его герменевтике со-

циального действия история предстает *записью* поступков, событий — текстом о публичных смыслах произошедшего.

Последующие аргументы об аналогии действия с текстом также содержат в себе текстуальный подход к истории. Так, согласно второму аргументу, социальное действие, как и текст, автономно от своего автора: «наши действия “убегают” от нас и приводят к последствиям, которые мы не намеревались произвести» [Рикёр П., 2008, с. 32]. Их автономность позволяет историкам вариативно фиксировать — записывать их смыслы. Третий аргумент связан с идеей преодоления действия, как и текста, своей *изначальной ситуацией*. По мнению Рикёра, «осмысленное действие — это действие, *значимость* которого распространяется за пределами его *релевантности* для изначальной ситуации» [Рикёр П., 2008, с. 33]. Иначе говоря, действие (подобно тексту) освобождено от своего ситуационного контекста, что позволяет истории как *записи сделанного* преодолевать их событийность и быть *открытой* для бесконечных интерпретаций. Об *открытости* Рикёр непосредственно заявляет в четвертом аргументе: действие, как и текст, адресовано бесконечному количеству читателей [Рикёр П., 2008, с. 34]. Следовательно, история как *запись* открыта для прочтения и толкования.

Рикёр развивает текстуальный подход к истории в своей семантике, идеи которой описаны им, например, в статье «Символическая структура действия» (1977). В ней философ именует культуру, любые действия и события символически опосредованными явлениями. Он определяет исторический текст в качестве репрезентации событий с помощью повествовательных символов. По мнению Рикёра, действия, *отпечатавшись* в социальном бытии, *записываются* в историю и «регистрируются в форме досье, документов, архивов, завершающих путь превращения человеческого действия в текст» [Рикёр П., 2017, с. 199–200]. Зафиксировав события, текст истории отражает их, но не становится их копией, потому что подпитывается воображением историков. Рикёр утверждает, что не только авторы художественных текстов, но и историки, «сочиняя интригу, изобретают ход событий, отличный от того, что происходит в действительности» [Рикёр П., 2017, с. 201–202]. При этом в его философии

¹ Основные положения созданной Рикёром герменевтики социального действия раскрыты мной в статье «Герменевтика действия Поля Рикёра: от интерпретатора к актору» [Сидорова М.А., 2024].

такая трансформация реальности с помощью вымысла не приравнивается к ее деформации. Воображение историков позволяет им реорганизовывать ход событий, создавать исторические сюжеты для того, чтобы описать, понять и объяснить произошедшее.

Связывая вымысел с функцией текста *представлять* реальный мир, Рикёр отсылает нас к нарративу (повествованию) — феномену, изучению которого он посвятил в 80-е гг. немало времени. В работе «Структура символического действия» намечен переход от текстуального подхода к истории к нарративному. В ней философ в итоге пишет: «Сквозь сито рассказанных историй мы осуществляем повествовательное прочтение нашей собственной жизни и жизни сообществ, которым мы принадлежим» [Рикёр П., 2017, с. 202].

Итоговое преобразование текстуального подхода к истории в нарративный мы встречаем в книге «Время и рассказ». Однако в ней нарративный подход не отрицает текстуальное понимание истории, потому что рикёровская концепция нарратива включает в себя понятие исторического текста. Так, у Рикёра нарратив — это повествование в широком смысле (и письменное, и устное)². При этом акценты в определении истории все-таки расставлены по-новому. Теперь для французского философа важна не столько история как форма фиксации событий (устная или письменная), сколько сам факт ее повествовательной сущности.

В книге «Время и рассказ» он наделяет историю основными признаками нарратива (повествования), а именно — свойствами подражать (*mimesis*) человеческому опыту и соединять его в единый сюжет (*mythos*). Указанные свойства он заимствует из поэтики Аристотеля, который рассмотрел поэзию в роли искусства подражания реальной практической жизни людей и определил интригу трагедии (*mythos*) как «*mimesis praxeos*» (подражание действию) [Аристотель, 1983, с. 652]. Рикёр анализирует любое повествование с помощью аристотелев-

ской пары *mimesis* — *mythos*, что позволяет ему определить исторический нарратив не как копию реальных событий, а как миметическую деятельность, которая организует факты, включая их в интригу [Рикёр П., 1998, с. 45–46]. С его точки зрения, историческое повествование формирует единство смысла события, единство самих событий, а его сюжет отражает целостность жизненного опыта людей.

Кроме того, Рикёр наделяет историю еще одним важным для него признаком нарратива — способностью преобразовывать время. Как указывает Д. Каплан, французский философ обнаружил, что «рассказ истории трансформирует “природное время” в “человеческое”, когда создает новые интерпретации и новые значения» (перевод наш. — М.С.) [Kaplan D.M., 2003, р. 54]. Объединение проблемы темпоральности истории с вопросами о ее повествовательной сущности делает концепцию Рикёра о нарративе уникальной теорией. Философским фундаментом этого объединения становятся поэтика Аристотеля и концепция времени у Августина. Как указывает Е.В. Петровская, «Рикёр как будто подвергает философов взаимному испытанию» [Петровская Е.В., 2013, с. 212]. Соединив представления Августина о времени с Аристотелевыми понятиями «*mimesis*» и «*mythos*», он формулирует основную идею своей концепции нарратива: «Время становится человеческим в той мере, в какой оно артикулируется нарративным способом, и, наоборот, повествование значимо в той мере, в какой оно очерчивает особенности временного опыта» [Рикёр П., 1998, с. 13]. В итоге время у Рикёра предстает как «препарированное историческим рассказом» [Петровская Е.В., 2013, с. 213].

Во «Времени и рассказе» описаны стадии перехода времени жизни людей в любой нарратив, в том числе и в исторический: префигуративная (мимесис-I), конфигуративная (мимесис-II) и рефигуративная (мимесис-III). Рассмотрим их особенности. Признаком первого миметического этапа является изначальная нарративная опосредованность человеческого опыта. Ее Рикёр выводит из символической опосредованности событий. С точки зрения философа, о ситуации или о поступке мы можем составить рассказ по причине их артику-

² В ней философ использует слово «*récit*», обладающее широким значением текста-рассказа-описания. Этот термин философии Рикёра переводят на английский словом «*narrative*». Подробнее об этом я писала в статье «Герменевтика действия Поля Рикёра: от интерпретатора к актору» [Сидорова М.А., 2024].

ляции в знаках, в нормах, в культуре. Рикёр называет символы культуры условиями для прочтения жизни людей как истории. Особенностью второго миметического этапа становится появление *mythos*: повествование объединяет (конфигурирует) различные ситуации, деяния в целостный *сюжет*, связывает их с помощью *интриги*. Рикёр полагает, что «идеи начала, середины и конца берутся не из опыта: это не черты реального действия, но следствия самого построения поэмы» [Рикёр П., 1998, с. 51]. По мнению философа, «история принадлежит нарративному полю, определяемому вышеназванной конфигурирующей операцией» [Рикёр П., 1998, с. 260]. Она предстает модусом повествования, соединяя отдельные события. Что касается заключительной миметической стадии, то ее Рикёр описывает как повествование от лица читающих. Он рассматривает чтение в качестве способа «рефигурации мира действия, осуществляемой под знаком интриги» [Рикёр П., 1998, с. 94]: читатели, интерпретируя, достраивают само повествование и связывают его с собственным жизненным миром. Одними из них являются историки. Они создают исторические тексты или рассказы как варианты интерпретации событий, тем самым нарративно рефигурируют (репрезентуют) опыт человечества. В интерпретациях историков настоящее пересекается с реальностью, конфигурированной повествованием.

Стоит отметить, что зачатки идеи Рикёра о роли прочтения исторического нарратива присутствуют уже в его статье «Модель текста: осмысленное действие как текст». Доказывая в ней открытость социального действия для интерпретации, он пишет: «Смысл человеческого действия — это то, что адресовано неопределенному кругу потенциальных “читателей”». Судьями являются не современники, а, как сказал Гегель, сама история» [Рикёр П., 2008, с. 34]. Если дальше проследить за ходом мысли Рикёра, то выходит, что история судит от лица ее читателей как интерпретаторов, связывающих прочитанные исторические нарративы с произошедшим и происходящим в социальном бытии. Однако, чтобы интерпретировать поступки или события, нужно изначально объединить их в сюжет, в нечто целое, а значит — составить о них повествование, текст. Поэтому чтение/интерпретация истории будет всегда актом

возвращения от исторического нарратива к самой реальности. Из чего следует, что уже в 70-е гг. в период создания герменевтики социального действия Рикёр определяет историю как результат *прочтения* жизни людей, а следовательно, и как результат интерпретации, осуществляемый посредством не только нарративной конфигурации, но и нарративной рефигурации.

После написания книги «Время и рассказ» Рикёр возвращается к нарративному подходу к истории на позднем этапе своего философского пути, а именно — в произведении «Память, история, забвение» (2000). В нем французский мыслитель ставит вопрос о взаимосвязи нарративного вымысла с реальным прошлым в историческом тексте и обращается к высказанной им во «Времени и рассказе» идее о том, что любое повествование (художественное или историографическое) устроено так, как если бы оно рассказывало о том, что действительно произошло. Другими словами, нарративность следует из самого события, поступка. Может ли историческое событие быть данным нам очищенным от повествования о нем? Рикёр отвечает отрицательно на этот вопрос, следуя завету Ханны Арендт о том, что любой поступок — это всегда поступок рассказанный [Рикёр П., 2004, с. 369]. При этом он не рассматривает действия, события как то, что предает истинность историческому нарративу. С его точки зрения, жизнь людей не является историей, а получает историческую форму посредством повествования о ней. В итоге Рикёр приходит к констатации простой, но важной идеи своей философии истории: история — это не прожитое, а нарративно конструируемое. Это определение истории является для Рикёра рабочим тогда, когда понятие нарратива включает в себя не только устное повествование, но и письменную фиксацию. Ведь в «Памяти, истории, забвении» философ возвращается и к текстуальному подходу к истории, о котором писал в 70-е гг. В этой книге он напоминает, что история — это разновидность записи, предназначенная для прочтения [Рикёр П., 2004, с. 689]. В поздней философии Рикёра нарративный подход к истории включает в себя подход текстуальный. Это включение связано с проблематикой других подходов Рикёра к истории — эпистемологического и публичного.

Эпистемологический и публичный подходы к истории

В философии Рикёра проблема исторического текста и нарратива раскрыта с помощью эпистемологического и публичного подходов к истории. Под эпистемологическим подходом мы имеем в виду научно-познавательный взгляд на историю как на историографию. Так, определение истории как способа научного познания встречается в тех работах Рикёра, в которых он обращается к вопросам об историческом письме, повествовании. В частности, такое определение становится источником для создания герменевтики социального действия. Ведь Рикёр сравнивает действие с текстом во многом для того, чтобы доказать необходимость включения герменевтики в методологию научного познания общества. Будучи критически настроенным к психологизму герменевтики Шлейермахера, Рикёр диалектически соединяет понимание с объяснением и формулирует следующую установку для наук о человеке: «Больше объяснять, чтобы лучше понимать» [Рикёр П., 2013, с. 61].

Какие науки Рикёр имеет в виду под социальными? В первую очередь, историю³. Уже в раннем творчестве Рикёра содержатся идеи о диалектическом синтезе объяснения и понимания как метода истории. Так, в сборнике работ «История и истина» (1955) философ утверждает, что историк должен дополнять объяснение событий собственным пониманием прошлого. При этом каждое понимание «несет на себе печать» объяснения (исторического анализа) [Рикёр П., 2002, с. 39]. В итоге диалектика объяснения и понимания как методология истории получила развитие в творчестве Рикёра в 80-е гг., а именно — в произведении «Время и рассказ» (1984–1988).

В первом томе этой книги он рассматривает исторический нарратив как предмет деятельности профессиональных историков. Рикёр приписывает им роли авторов и интерпретаторов исторических повествований. Историк — тот тот, кто, описывая исторический опыт людей, трансформирует его в нарратив, и тот, кто, ин-

терпретируя рассказы о событиях, создает новые исторические повествования. При этом в книге «Время и рассказ» сделан акцент на описание историков в роли создателей исторического нарратива. С точки зрения Рикёра, их задача состоит в объяснении и понимании событий с помощью исторического повествования. Философ проблематизирует объяснительную силу историографии. Он не согласен с нарративистским подходом (например, с подходами У.Б. Гэлли, П. Вейна) к исторической науке, а именно — с отождествлением ее метода объяснения с самообъяснением литературного рассказа⁴. По мнению Рикёра, для истории как науки объяснение — это цель, отличная от задач художественного повествования. Для него любое научное объяснение — это ответ «потому что» на вопрос «почему». В философии Рикёра историк как ученый является судьей: он оспаривает, либо пытается доказать, что исследуемое объяснение события качественнее другого какого-либо объяснения.

В его концепции нарратива историческое объяснение предстает доказательством наличия *лакуны* между историографией и рассказом. Однако Рикёр не отрицает, что историческое объяснение все-таки взаимосвязано с нарративным пониманием. Как указывает Дж. Ржидки, в интерпретации французского философа «историография и повествует, и объясняет» [Rídký J., 2023, p. 119]. В конечном счете, с точки зрения Рикёра, «историческое знание является производным от нарративного понимания» [Рикёр П., 1998, с. 110]. По сути, Рикёр возвращается к ранее разработанному им для социальных наук принципу «больше объяснять, чтобы лучше понимать» и конкретизирует его для историографии в работе «Время и рассказ». Философ предлагает историкам использовать объяснение или каузальный анализ при выявлении в событиях причинно-следственных связей, «объяснительная сила которых не зависит от закона» [Борисенкова А.В., 2007, с. 61]. По мнению Рикёра, объяснение является основой для такого метода исторической науки, как понимание.

³ Об этом пишет, например, С.Н. Зенкин в статье «Социальное действие и его смысл: историческая герменевтика после Рикёра» [Зенкин С.Н., 2013, с. 335].

⁴ Рикёр критически оценивает представления нарративистов об историографии. По его мнению, их ошибка состоит в том, что они не учитывают современные данные, отдающие историографию от повествовательного письма, и отрицают объяснительную силу исторического текста [Рикёр П., 1998, с. 261].

Отсылки к указанному методологическому принципу присутствуют и в поздней философии истории Рикёра. Так, в книге «Память, история, забвение» диалектика объяснения и понимания выделена в качестве отдельной фазы историографического познания действительности. Рикёр дает ей название «объяснение/понимание» [Рикёр П., 2004, с. 255], используя не союз «и», а знак «/», тем самым подчеркивая диалектическую взаимосвязь этих познавательных процедур. В интерпретации философа к этим познавательным методам истории обращаются одновременно для установления связей между документально подтвержденными фактами. Другими словами, наличие документов — это предпосылка для историографического «объяснения/понимания» событий.

В поздней философии Рикёра исторический документ оказывается тем звеном, который объединяет все производимые историками операции. Помимо «объяснения/понимания», к ним мыслитель относит еще собственно документирование, а также репрезентацию⁵. Они анализируются Рикёром не как сменяющиеся друг друга стадии работы историка, а как взаимопроникающие уровни научного познания исторической реальности. На каждом из них история предстает в виде задокументированного нарратива — в виде записи [Рикёр П., 2004, с. 329]. Фаза создания документа предполагает *запись свидетельства* — «момент, когда высказанное переходит из области устного в область письма, которую история уже никогда не покинет» [Рикёр П., 2004, с. 203], и «момент зарождения архива, который отныне станут пополнять, хранить, запрашивать» [Рикёр П., 2004, с. 203–204] для «объяснения/понимания» и для репрезентации. Фаза «объяснения/понимания» продолжает документальную интерпретацию исторического факта и приводит к письменной репрезентации истории — к созданию исторического текста («книги истории»). Этот текст постоянно переписывается и всегда возвращает историков в пространство реальных событий: «Вырванный архивом из мира действия, историк включается в него, внедряя свой текст в мир своих читате-

лей; сама же книга истории становится документом, открытым для дальнейшего переписывания: тем самым историческое познание включается в непрерывный процесс пересмотра» [Рикёр П., 2004, с. 329].

Открытость для интерпретаций — вот основной, с точки зрения Рикёра, признак исторического научного текста. В его философии интерпретация становится итоговой целью историка. Для ее осуществления создаются архивы, а сама она возникает в результате диалектики объяснения и понимания и реализуется через репрезентацию «в книге истории». Тем самым концепция историографии включена в общую логику герменевтики Рикёра, суть которой состоит в интерпретации: «Слово “герменевтика” означает не что иное, как последовательное осуществление интерпретации» [Рикёр П., 2013, с. 49].

Вдобавок в позднем эпистемологическом подходе Рикёра к истории поставлена новая проблема, не получившая до этого развития ни в разработанной им для социальных наук герменевтической методологии, ни в его нарративной герменевтике, а именно — проблема памяти. В интервью О. Мачульской к русскому изданию книги «Память, история, забвение» Рикёр называет память соединительным звеном между нарративом и временем: «Память выполняет функцию свидетельства о событиях, произошедших во времени, а повествование позволяет структурировать память» [Рикёр П., 2004, с. 8]. Как указывают рикёроведы, анализ проблемы памяти в исторической науке приводит французского философа к следующему выводу: «С одной стороны, историки создают память о прошлом в документах, они формируют коллективную память. С другой стороны, эта созданная им память не является пережитой кем-то» (перевод наш. — М.С.) [White H., 2007, p. 237]. Другими словами, Рикёр обнаруживает *разрыв* между историографией и памятью, а именно — *живой памятью* свидетелей событий. Источник этого разрыва — сам исторический текст как архивирование произошедшего. Записывая, историки стремятся сохранить *живую память*, но удаляются от нее, растворяя в научных текстах рассказы очевидцев [Рикёр П., 2004, с. 689]. Они, по мнению Рикёра, занимаются «погребением» [Рикёр П., 2004, с. 691]. Что философ имеет в виду, используя такую метафору? То, что исторический научный текст, претендуя на достоверные умозаключе-

⁵ Рикёр выделил три фазы историографии (фаза документирования, фаза объяснения/понимания, фаза репрезентации) в результате переосмысления данной Мишелем де Серто классификации историографических операций [Рикёр П., 2004, с. 190–191].

ния о прошлом, не может его воскресить. Историография постоянно сталкивается с *отсутствием*, а именно — с отсутствием описываемого события, которое никогда не было таким, каким оно зафиксировано в исторической записи. Обнаруживая в истории как науке эту проблему, Рикёр, по сути, возвращается к ранней своей идее о тексте как о способе запечатления действий, событий и дополняет ее противоречием, связанным с отношением между историческим текстом и памятью. В его позднем творчестве историческое письмо как дело профессиональных историков предстает в значении не столько свидетельства о событиях, сколько его «призрака».

Однако Рикёр не только указывает на *пропасть* между историографией и памятью, но и предлагает способ ее преодоления. Таким способом оказывается публичный или со-бытийный подход к истории. В его рамках Рикёр рассматривает исторический нарратив уже не как текст, авторами которого являются историографы, а как сторителлинг (storytelling) тех, кто вплетает историческую память в собственную жизнь — в жизнь совместную, в со-бытие с другими людьми. Кто же они, обладающие *живой памятью*? С точки зрения Рикёра, ими являются не столько очевидцы, участники событий, сколько граждане, обладающие *живым словом*, т.е. способные рассуждать о происходящем или произошедшем представители политической, социальной, культурной сфер общественного бытия. Рассудительные граждане читают историю, записанную историками-профессионалами, и говорят о ней на публике, тем самым преодолевают *разрыв* между историческим текстом и памятью. «Получатель исторического текста должен и лично, и в плане публичной дискуссии поддерживать равновесие между историей и памятью» [Рикёр П., 2004, с. 691].

Мысль о таком равновесии свойственна Рикёру и до написания книги «Память, история, забвения». В частности, ее мы встречаем в статье «Каков новый этос для Европы?» (1992). В ней идея о связи *живой памяти* с *живым* повествованием преподносится, по сути, как создание публичной истории. Последняя понимается Рикёром как сплетение множества жизненных историй. «Мы буквально впутаны в истории» [Рикёр П., 2021, с. 186–187], — пишет он, указывая, что жизненная история одного

человека является частью жизненной истории других людей. Ведь рассказывая о себе, мы одновременно рассказываем о других. С точки зрения философа, именно повествовательная идентичность каждого говорящего о себе индивида является условием для переплетения историй, в котором и происходит обмен *живой памятью*. Для Рикёра эта память является синонимом культурной памяти. Ее обмен осуществляется посредством интерпретации культур разных сообществ, а именно — наций, народов. Интерпретация как создание новых рассказов способствует избавлению от «мертвых» вариантов толкования тех или иных событий, тем самым поддерживает жизнь публичной памяти, а следовательно, и публичной истории.

Помимо этого, Рикёр преподносит публичную историю как историю не только *живой памяти и живого слова, но и живого действия*. Как указывает С.Н. Зенкин, «по его мысли, не (только) профессиональные историки, но (также) обычные люди “практически интерпретируют” чужие действия посредством своего собственного социального действия» [Зенкин С.Н., 2013, с. 336]. Другими словами, в философии Рикёра публичные нарративы — это действия, которые, сохраняя память, образуют историю. В рамках публичного подхода история предстает разновидностью праксиса (praxis). Такой взгляд Рикёра на публичную историю сквозь призму практической жизни связан с его идеей *об открытости* событий для интерпретации — идеей, высказанной в 70-е гг. в статье «Модель текста: осмысленное действие как текст». В ней французский философ наделяет интерпретацию деятельной природой и рассматривает историю как разновидность такой *практической* интерпретации. Можно сказать так: история действует, интерпретируя. При этом для Рикёра важно определить *топос* истории как праксиса. Им и оказывается публичное пространство, а сама история предстает в нем как совместное бытие людей (социально-политическое существование), на котором действия оставляют *следы* или *метки*. Каждый такой *след* — это *запись* в публичную историю. Появляясь, она автоматически нуждается в интерпретации. «Так, история становится суммой меток, судьба которых перестает контролироваться индивидуальными акторами» [Рикёр П., 2008, с. 33], — заявляет философ в «Модели текста».

Таким образом, в указанной работе текстуальный подход к истории включает в себя зачатки публичного подхода, но не раскрывает его в полной мере, т.к. не содержит в себе идею нарратива как повествования и устного, и письменного. Именно в поздней философии Рикёра происходит соединение публичного и нарративного подходов к истории. Такой синтез необходим французскому мыслителю для разделения истории на публичную и научную — разделения, ставшего отличительной чертой его теории истории. Рикёр различает историографию и публичную историю в зависимости от того, каким видом нарратива они являются. История историков-профессионалов — это текст как архив истории. История со-бытия людей — это нарратив как *живое слово*, которое может быть и устным, и записанным (главное условие его жизни — его воспроизведение, обсуждение на публике). Вторым условием их отличия становится отношение с памятью как с *живой памятью*: историография не работает с такой памятью; публичная история реализует ее в себе.

Заключение

Представления Рикёра об истории образуют цельную теорию, которая соответствует проблематике нарративной парадигмы философии истории, но решает ее по-новому. Философ переосмыслил сущность нарратива и возможности его применения в историческом познании, тем самым преодолел крайние позиции как нарративистских, так и позитивистских взглядов на историю. В частности, он дал отрицательный ответ на вопрос о тождественности исторического рассказа поэтическому дискурсу и предложил сочетать в историографии нарративное понимание с объяснением. По сути, Рикёр наметил путь познания, по которому следует двигаться для создания в XXI в. новых концепций об историческом нарративе. Уникальность этого пути — во взаимосвязи нарративного подхода с текстуальным, эпистемологическим и публичным подходами к истории.

В философии Рикёра текстуальный подход становится частью нарративного представления об истории. В ней исторический нарратив обретает широкое значение, а именно — определяется не только как устный рассказ, но и как письменно зафиксированное повествование о человеческом опыте, событии, социальном дей-

ствии. На основе такого расширенного представления о нарративной истории Рикёр выстраивает эпистемологический и публичный (со-бытийный) подходы к ней. В рамках первого исторический нарратив предстает в значении предмета деятельности историков. В рамках второго подхода — в значении актуального *praxis* людей в совместном социальном бытии. В итоге в философии Рикёра история как повествование о социальном действии оказывается его разновидностью — нарративным действием в совместном бытии людей.

Поздняя теория истории Рикёра отличается от ранней (от герменевтики исторического текста, от теории нарратива) тем, что в ней поставлена проблема памяти. Указанная проблематика дополняет и расширяет повествовательную концепцию истории французского мыслителя: исторический рассказ (научный или публичный) направлен на работу с памятью. Однако если историография как дело профессиональных историков не связана с *живой памятью*, то публичная история основана на ней. Публичный подход Рикёра предполагает, что история как память о действии, событии возможна только в значении истории, создаваемой в процессе социального, политического взаимодействия людей в совместном бытии. В свою очередь, его эпистемологический подход вскрывает противоречие в деятельности профессиональных историков: они стремятся воскресить память, но занимаются «погребением».

Полученные результаты могут быть использованы в историко-философской работе с творческим наследием Рикёра. Кроме того, установленная нами взаимосвязь подходов к истории в текстах Рикёра открывает для исследователей, работающих на стыке исторических и философских наук, новые перспективы. В частности, она показывает, что история как предмет изучения многогранна и не может быть сведена к одному своему проявлению. Для ее целостного исследования необходимо сочетать, объединять, *переплетать* разные методы. Одними из них могут быть реконструируемые нами из философии Рикёра подходы к истории: нарративный, текстуальный, эпистемологический и публичный (со-бытийный). Их взаимосвязь, установленная французским мыслителем, открыта для дополнений, изменений и критики. Она может служить образцом для выстраивания взаимосвязей между подходами к истории.

Список литературы

- Аристотель*. Поэтика / пер. с древнегреч. М.Л. Гаспарова // Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 645–680.
- Барт Р.* Дискурс истории // Барт Р. Система моды: статьи по семиотике культуры / пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. С. 427–441.
- Борисенкова А.В.* Теория повествования Поля Рикёра: от нарративной организации опыта к нарративным основаниям научного знания // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6, № 1. С. 55–63.
- Вдовина И.С.* Поль Рикёр: на «Елисейских полях» философии. М.: Канон+, 2019. 288 с.
- Зенкин С.Н.* Социальное действие и его смысл: историческая герменевтика после Рикёра // Поль Рикёр в Москве / общ. ред. И.С. Вдовиной. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2013. С. 327–345.
- Петровская Е.В.* Великая нарратология (Размышление о книге П. Рикёра «Время и рассказ») // Поль Рикёр в Москве / общ. ред. И.С. Вдовиной. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2013. С. 207–225.
- Рикёр П.* Время и рассказ. Т. 1: Интрига и исторический рассказ / пер. с фр. Т.В. Славко. М.: СПб.: Университетская книга, 1998. 313 с.
- Рикёр П.* Герменевтика и метод социальных наук // Поль Рикёр в Москве / общ. ред. И.С. Вдовиной. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2013. С. 49–61.
- Рикёр П.* История и истина / пер. с фр. И.С. Вдовиной, А.И. Мачульской. СПб.: Алетеия, 2002. 400 с.
- Рикёр П.* Модель текста: осмысленное действие как текст / пер. с англ. А.В. Борисенковой // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7, № 1. С. 25–43.
- Рикёр П.* Память, история, забвение / пер. с фр. И.И. Блауберг и др. М.: Изд-во гуманит. лит., 2004. 728 с.
- Рикёр П.* Политика, экономика, общество: рукописи и выступления / пер. с фр. И.С. Вдовиной. М.: Центр гуманит. инициатив, 2021. 240 с.
- Рикёр П.* Структура символического действия // Рикёр П. Философская антропология: рукописи и выступления / пер. с фр. И.С. Вдовиной. М.: Изд-во гуманит. лит., 2017. С. 186–204.
- Сидорова М.А.* Герменевтика действия Поля Рикёра: от интерпретатора к актору // Социологическое обозрение. 2024. Т. 23, № 3. С. 201–226. DOI: <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-3-201-226>
- Уайт Х.* Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / пер. с англ.

Е.Г. Трубиной, В.В. Харитонова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 528 с.

Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с фр.

С.В. Табачниковой. М.: Касталь, 1996. С. 47–96.

Шульга Е.Н. Нарративная герменевтика Поля Рикёра // Поль Рикёр: Человек – общество – цивилизация / под ред. И.И. Блауберг, И.С. Вдовиной. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2015. С. 219–234.

Ямпольская А.В. За пределами события: Поль Рикёр о даре и прощении // Поль Рикёр: Человек – общество – цивилизация / под ред. И.И. Блауберг, И.С. Вдовиной. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2015. С. 302–314.

Kaplan D.M. Ricoeur's Critical Theory. N.Y.: State University of New York Press, 2003. 236 p. DOI: <https://doi.org/10.1353/book4657>

Ridký J. Many Colors of History: Ricœur's Third Time as a Key to the Hermeneutics of Historical Time // *Études Ricœuriennes*. 2023. Vol. 14, no. 2. P. 117–133. DOI: <https://doi.org/10.5195/errs.2023.524>

White H. Guilty of History? The Longue Durée of Paul Ricoeur // *History and Theory*. 2007. Vol. 46, iss. 2. P. 233–251. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2303.2007.00404.x>

Wood D. Introduction: Interpreting Narrative // *On Paul Ricoeur: Narrative and Interpretation* / ed. by D. Wood. London; N.Y.: Routledge, 1991. P. 1–19.

References

- Aristotel (1983). [Poetics]. *Aristotel' . Sochineniya: v 4 t.* [Aristotle. Works: in 4 vols]. Moscow: Mysl', vol. 4, pp. 645–680.
- Barthes, R. (2003). [The Discourse of History]. *Bart R. Sistema mody: stat'i po semiotike kul'tury* [Barthes R. The Fashion System: Articles on the Semiotics of Culture]. Moscow: Sabashnikov Publ., pp. 427–441.
- Borisenkova, A.V. (2007). [Paul Ricoeur's narrative theory: from narrative organization of experience to narrative bases of scientific knowledge]. *Sotsyologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 6, no. 1, pp. 55–63.
- Foucault, M. (1996). [The order of discourse]. *Fuko M. Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [Foucault M. The will to truth: beyond knowledge, power and sexuality. Works of different years]. Moscow: Kastal' Publ., pp. 47–96.

- Kaplan, D.M. (2003). *Ricoeur's critical theory*. New York: State University of New York Press, 236 p. DOI: <https://doi.org/10.1353/book4657>
- Petrovskaya, E.V. (2013). [Great narratology (Reflections on P. Ricoeur's book *Time and Narrative*)]. *Pol' Riker v Moskve, obshch. red. I.S. Vdovinoy* [I.S. Vdovina (ed.) Paul Ricoeur in Moscow]. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya» Publ., pp. 207–225.
- Ricoeur, P. (1998). *Vremya i rasskaz. T. 1: Intriga i istoricheskiy rasskaz* [Time and narrative. Vol. 1: Intrigue and historical narrative]. Moscow, St. Petersburg: Universitetskaya Kniga Publ., 313 p.
- Ricoeur, P. (2002). *Istoriya i istina* [History and truth]. St. Petersburg: Aleteya Publ., 400 p.
- Ricoeur, P. (2004). *Pamyat', Istoriya, Zabvenie* [Memory, History, Oblivion]. Moscow: Gumanitarnaya Literatura Publ., 728 p.
- Ricoeur, P. (2008). [The model of the text: Meaningful action considered as a text]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 7, no. 1, pp. 25–43.
- Ricoeur, P. (2013). [Hermeneutics and the method of social sciences]. *Pol' Riker v Moskve, obshch. red. I.S. Vdovinoy* [I.S. Vdovina (ed.) Paul Ricoeur in Moscow]. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya» Publ., pp. 49–61.
- Ricoeur, P. (2017). [The structure of symbolic action]. *Riker P. Filosofskaya antropologiya: Rukopisi i vystupleniya* [Ricoeur P. Philosophical anthropology: Manuscripts and speeches]. Moscow: Gumanitarnaya Literatura Publ., pp. 186–204.
- Ricoeur, P. (2021). *Politika, ekonomika, obschestvo: Rukopisi i vystupleniya* [Politics, economics, society: Manuscripts and speeches]. Moscow: Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ Publ., 240 p.
- Řídký, J. (2023). Many colors of history: Ricoeur's third time as a key to the hermeneutics of historical time. *Études Ricœuriennes* [Ricoeur Studies]. Vol. 14, no. 2, pp. 117–133. DOI: <https://doi.org/10.5195/errs.2023.524>
- Shulga, E.N. (2015). [Narrative hermeneutics of Paul Ricoeur]. *Pol' Riker: Chelovek – obschestvo – tsivilizatsia, pod red. I.I. Blauberg, I.S. Vdovinoy* [I.I. Blauberg, I.S. Vdovina (eds.) Paul Ricoeur: Human – society – civilization]. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya» Publ., pp. 219–234.
- Sidorova, M.A. (2024). [Paul Ricoeur's hermeneutics of action: from interpreter to actor]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 23, no. 3, pp. 201–226. DOI: <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-3-201-226>
- Vdovina, I.S. (2019). *Pol Riker: na «Eliseyskikh polyakh» filosofii* [Paul Ricoeur: on Champs Elysees of philosophy]. Moscow: Kanon+ Publ., 288 p.
- White, H. (2007). Guilty of history? The Longue Durée of Paul Ricoeur. *History and Theory*. Vol. 46, iss. 2, pp. 233–251. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2303.2007.00404.x>
- White, H. (2002). *Metaistoriya: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka* [Metahistory. Historical imagination in 19th century Europe]. Yekaterinburg: UrFU Publ., 528 p.
- Wood, D. (1991). Introduction: Interpreting narrative. *D. Wood (ed.) On Paul Ricoeur: Narrative and interpretation*. London, New York: Routledge Publ., pp. 1–19.
- Yampol'skaya, A.V. (2015). [Beyond the event: Paul Ricoeur on gift and forgiveness]. *Pol' Riker: Chelovek – obschestvo – tsivilizatsia, pod red. I.I. Blauberg, I.S. Vdovinoy* [I.I. Blauberg, I.S. Vdovina (eds.) Paul Ricoeur: Human – society – civilization]. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya» Publ., pp. 302–314.
- Zenkin, S.N. (2013). [Social action and its meaning: historical hermeneutics after Ricoeur]. *Pol' Riker v Moskve, obshch. red. I.S. Vdovinoy* [I.S. Vdovina (ed.) Paul Ricoeur in Moscow]. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya» Publ., pp. 327–345.

Об авторе

Сидорова Мария Алексеевна

кандидат философских наук,
старший преподаватель

Московская высшая школа социальных
и экономических наук,
125009, Москва, Газетный пер., 3-5, стр. 1;
e-mail: msi.8883@gmail.com
ResearcherID: I-3393-2016

About the author

Maria A. Sidorova

Candidate of Philosophy, Senior Lecturer

The Moscow School of Social and Economic Sciences,
3–5, bld. 1, Gazetny Ln., Moscow, 125009, Russia;
e-mail: msi.8883@gmail.com
ResearcherID: I-3393-2016